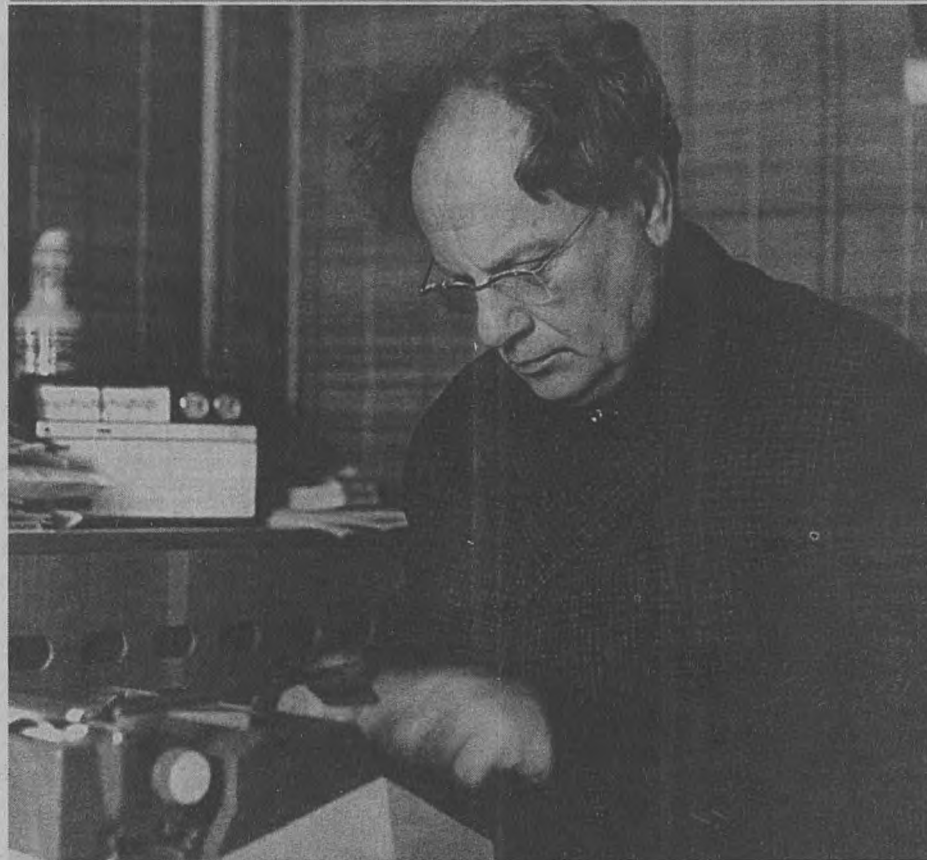

«Не пойдет!»

НЕ ПОЙДЕТ

*Вздыхая робко и устало
У звезд весенних на виду,
Редактор толстого журнала
Гуляет с девушкой в саду.*

*Его портфель трещит и рвется,
Две пухлых папки он несет:
Одна из них «В печать» зовется,
Другая жестче — «Не пойдет».*

*Он шепчет девушке, как труден
Его удел и важен пост,
Как далеко от наших буден
Таинственное тленье звезд.*

*Но девушка не хочет в прозе
Сердечную услышать весть.
Она грустит и робко просит
Редактора стихи прочесть.*

Волнуется редактор мрачный,

*Не даст он спутнице скучать.
Стихов он вынимает пачку
Из папки с надписью «В печать»
Здесь патентованные чувства
И нормированная грусть.
Здесь кисло-сладкое искусство —
«Я жду — ты ждешь, вернись — вернись».*

*Редактор свой «загон» читает
Возлюбленной под фонарем.
Но девушка уже зевает
Ладонью заслоненным ртом.*

*И произносит осторожно:
— Не опоздать бы на метро.
А счастье было так возможно
И ускользает так хитро.*

*Редактор мечется в тревоге,
Он ищет выхода, и вот
Берет он тут же, среди дороги,
Стихи из папки «Не пойдет».*

*Стихи любви, цветы печали:
Иван-да-Марья, горчицвет,
Полгода в палке вы лежали,
А нынче выбились на свет.*

*Звезда слезинкою блеснула,
И светлячок упал в траву,
И робко девушка прильнула
К редакторскому рукаву.*

*Из сада выход загорожен,
Давно в метро закрыли вход.
И девушка сегодня тоже
Домой, пожалуй, «не пойдет».*

Стихотворение полежало немножечко, что называется — просохло, и я понес его в редакцию журнала «Знамя», на улицу Станиславского. Секретарь редакции Анатолий Тарасенков сам перестукал его на машинке, сказал, что машинистке Люсе давать его в работу не надо: она не умеет хранить редакционную «тайну»? И надо ли ее хранить? Нет, пусть Всеволод читает первым...

Явился главный редактор. Он был в отличном настроении, ордена, медали и георгиевские кресты весело позванивали на его темно-синем флотском кителе.

Расправившись с какими-то текущими бумагами, Вишневский оглядел свой редакторский стол, как командующий поле битвы с наблюдательного пункта. Взгляд его остановился на машинописной странице стихов, которую Тарасенков уже аккуратно приклеил «на собаке». (Для непосвященных: «собакой» в редакции именуется бланк, сопровождающий рукопись в типографию. На нем редакционные работники ставят свои подписи...) Сейчас главный редактор читает и поставит свою подпись.

Но Всеволод долго держит стихотворение перед глазами. Всегда он обращается к фронтовому товарищу на ты, но на этот раз ко мне обращается сухо на вы.

— Кого вы имели в виду, когда писали о редакторе толстого журнала?

Демонстрируя полное отсутствие чувства юмора, начисто лишившись своей традиционной флотской иронии, Всеволод начинает кричать каким-то резким, неприятным голосом:

— Я знал вас как боевого офицера, никогда не думал, что вы будете тачать памфлеты на своих старших товарищей. Может быть, вы еще поволочете свое сочинение на показ ЭСКА? Она только и ждет, чтобы ей сообщили какую-нибудь сплетню обо мне! (СК — Софья Касьяновна — супруга редактора. Такого в нашей среде ее прозвище, впрочем, введенное в обиход самим Всеволодом).

Редактор разбушевался не на шутку: — Может быть, вы хотите одарить своим сочинением журнал «Крокодил»? Там только и ждут, чтобы одарить меня подзатыльником!

Анатолий Тарасенков силится охладить атмосферу, но ничего у него не получается. Мы вытираем из редакции вместе, и он уговаривает меня никому не показывать стихотворение «Не пойдет», потому что Всеволод смертельно обидится, «а он человек больной, и нам его здоровье не безразлично».

Между мной и Вишневским, что называется, перебежала черная кошка. История-то, в общем, вздорная и пустяковая, все-таки свой вред принесла.

После смерти Всеволода (ровесник века, он

умер пятидесятилетним) я однажды обнаружил в ящике своего письменного стола то самое стихотворение, перепечатанное в редакции «Знамени» и приклеенное «на собаке». А ведь нет в стихотворении ничего такого, что надо было бы прятать. Ну было недоразумение между фронтовыми товарищами, оно давно забыто, тем более что оснований для обиды тогда у Всеволода не было. Когда позвонили мне из «Литературной газеты» и спросили, нет ли стихов для новогоднего номера и чтобы не слишком серьезные, я прикинул, что можно предложить то самое «Не пойдет».

Через несколько дней знакомая секретарша из редакции рассказала, что на стол главного редактора В. В. Ермилова легла какая-то гранка со стихотворением и вызвала большую суматоху.

В чем дело? Что произошло? В недоумении я отправился к главному редактору «Литературной газеты». Мы с ним не были близко знакомы, но, как многие литераторы в те времена, разговаривали друг с другом на ты, иногда подтрунивали друг над другом — пикировались. Поскольку Маяковский в своем предсмертном послании писал: «...Скажите Ермилову — зря, что снял лозунг, надо было доругаться», поэты, и в том числе я, считали, что нам завещано так или иначе доругаться.

Ермилов подождал, пока мы остались в его кабинете одни, завел резкий и обидчивый разговор:

— Ты притащил мне стихотворение, в котором схитрил — назвал редактором толстого журнала и выставил на посмешище, да еще представил зажимщиком и врагом лирической поэзии. Но это еще не все. В каком виде ты представил меня перед Дашей, которая тебя уважает и считает порядочным человеком! А ты изловчил... нанести ей удар из-за угла, изобразив меня козлом.

— Владимир Владимирович, да я ни сном, ни духом, честное слово.

Даша Ермилова была литературным редактором музыкального отдела радиокомитета и действительно по-доброму поддерживала поэтов, сочинявших тогда песни, защищала от нападков, в которых убытка не было в зоне песни во все времена.

Но опытный и резкий литературный боец, беспощадный и опасный литературный критик, замечая, что укол направлен в его адрес, совсем вышел из себя, всерьез обиделся и рассердился. Я посчитал ситуацию настолько забавной, что вознамерился рассказать Ермилову подлинную историю стихотворения «Не пойдет» и бурную реакцию Всеволода Вишневского на мое безобидное сочинение про редактора толстого журнала. Начал было излагать эпизод, разыгравшийся в 1945 году в редакции журнала «Знамя», но увидел, что мне не оправдаться.

Так я и ушел со своим стихотворением. Рассказал о столкновении с Ермиловым одному только Анатолию Тарасенкову, поскольку он был свидетелем первой неприязни.

Тарасенков взял у меня гранку с набором стихотворения «Не пойдет», возвращенную из редакции «Литературной газеты». Анатолий был неистовым собирателем всяких литературных анекдотических случаев. Он хранил гранку у себя, и через несколько лет показал ее вновь в редакции «Знамени», но оно опять было отвергнуто.

Публикация Мирославы БЕЗРУКОВОЙ-ДОЛМАТОВСКОЙ

10 сентября исполнится год со дня смерти Евгения Долматовского, поэта и писателя, пользовавшегося колоссальной известностью и популярностью. Его стихи, песни звучат и сегодня, редко кого оставляя равнодушными. Весной вышел в свет сборник его стихов (из последних) «Общий вагон».

*Я бит был в жизни столько раз,
Бессчетно, как цыган на рынке,
Аж искры сыпались из глаз
В неравном диком поединке.
И есть удивительная книга прозы («ВМ» уже публиковала отрывки из нее) — «Очевидец».*
Сегодня — еще одна глава из новой книги.

На исходе 1945 года, того, что в стихах и в газетных статьях мы называли великим и победным — а он и был таким! — группу писателей, проходивших все эти годы службу в армейских и фронтовых (уже переставших называться фронтовыми) газетах, неожиданно демобилизовали.

Нам вручили выписки из приказа. Так буднично и по-деловому завершались для меня четыре года, сложившихся в целую эпоху моей жизни: «Вам надлежит обратиться в военкомат по месту жительства, прописаться по старому довоенному адресу». Вот и все.

Все вокруг казалось легким и простым, если не считать того, что демобилизовываться мне оказалось некуда: по ряду обстоятельств, о которых сейчас подробно рассказывать не обязательно, мне невозможно было предьявить в учетный стол военкомата свой довоенный адрес: его к тому моменту просто не существовало.

По этой причине я оставался военнотружеником... только без дальнейшего прохождения службы.

Мои гражданские пиджаки и брюки были давно, еще в эвакуации, обменены мамой на продукты, и я, впрочем не без гордости, продолжал носить погоны, и если когда-то на войне чувствовал себя штатским человеком, то теперь, в наступившее мирное время, считал себя военным-превоенным.

Но не в пиджаке, не в погонах дело, а в том, что под какой бы то ни было оболочкой во мне жила война, мое вольное сосуществование выработывало стихи о войне.

Либеральная, не похожая на нынешнюю, администрация гостиницы «Москва» держала меня «на постоянке» (система была такая: живи месяца; тридцать дней истечет — выписывайся, поотсутствуй три-четыре дня и поселяйся еще на месяц).

В самом центре Москвы я жил привольно и безответственно, питался всухомятку, читал все попадавшееся на глаза книги, а главное — писал стихи про войну... Над листом бумаги я склонялся, как комбат над тысячемиллиметровой картой... Штурмовал высоты и входил в города, бежал и полз, пришлопиривал коня, набивал синяки о неуютные углы внутренностей танка. В отличном, вполне удобном и уютном номере гостиницы я пребывал, как в сырой землянке, чем начал вызывать некоторую тревогу своих товарищей.

Моим пристанищем оставалась редакция журнала «Знамя». Мы были верны друг другу с юности. Редактором «Знамени» был Всеволод Витальевич Вишневский, человек особенный,

*Встр. Москва. - 1995. -
9 сент. - с. 5.*

взрывчатый и вздорный, ласковый и сентиментальный, что называется — непредсказуемый.

Он считался в литературном мире того времени лидером военной темы, эдаким командармом над нами... Однажды, навестив редакцию, я получил приказ «главного» — явиться к нему, предстал перед его насупленным взором и выслушал, чего уж никак не ожидал именно от Вишневского:

— Ты не заметил, что война давно уже победно завершилась? Ты все еще торчишь в окопе, а страна ушла дальше! Твои фронтовые стихи выглядят жутким анахронизмом!

Надо сказать, что наивное представление, будто военная тема просто закончилась с завершением военных действий, витала тогда в литературной атмосфере. Если сам Вишневский предьявляет мне такие претензии, тут уж надо почесать затылок.

— Что же мне делать? — растерянно спросил я уважаемого главного редактора.

Кажется, Всеволоду стало очень приятно, что поэт запрашивает у него совета. Вишневский был прирожденным спорщиком, но не наставником. Он даже несколько опешил:

— А черт вас знает, я давно не пишу стихов! (Теперь уж почти никто не помнит, что до того, как стать драматургом и прозаиком, Всеволод писал стихи, особенно — слова для песен. Первая программа только что созданного в 1929 году Ансамбля песни и пляски, будущего Краснознаменного, была сочинена Вишневским...)

Очень захотелось Вишневскому выступить в роли дарителя сюжетов. Помычав неопределенно и явно фантазируя, редактор «Знамени» стал наговаривать сюжет:

— Что-нибудь эдакое про любовь... Сочини про затвердевшего душой человека, может быть, на войне, а еще проще — закоренелого бюрократа, к которому нежданно-негаданно приходит любовь.

Как пишется в романах, мой друг увлекся и вдохновенно изрекал:

— Таким образом ты отведешь от себя в сторону военную тему, переступив заветный порог храма лирики. Народ ждет такого перехода!

Мне стало от этих наставлений невыразимо скучно. Руки зачесались — напишу эпиграмму на Всеволода, только придумать поострей!

Несколько дней желание сочинить эпиграмму не давало мне покоя. Как мне хотелось посмеяться над Всеволодом! Тем более что в нашей компании блуждала таинственная история, касающаяся одного его нового увлечения. Потом желание писать эпиграмму угасло. Но пути к стихам неисповедимы. И однажды выползло из глубин сознания вот такое стихотворение.